

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕОЦЕНКА ДЕНЕГ

К 15-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

ВЛАДИМИР МАРТЫНЕНКО, доктор политических наук

Сегодня перед ответственными социологами, социальными политиками и политическими философами все отчетливее предстают проблемы, связанные с необходимостью переосмысления значения одной из важнейших форм социальных связей, какой являются деньги, включая вопрос о социально-политической роли, функциях и месте банковской системы в государстве и обществе. Важность такого переосмысления диктуется потребностью углубления наших представлений о качественных параметрах социального развития, совершенствования методологии социогуманитарного анализа, повышения надежности знания о состоянии, условиях самоорганизации и деятельности гражданского общества, о социальных секвенциях демократических и рыночных процессов, о метафизике и диалектике власти.

Нельзя сказать, что проблема денег до настоящего времени не привлекала внимание философов и социологов. Но зачастую они относились к ней как бы между прочим или взирали на нее с высокомерной небрежностью. Подобное отношение имеет давнюю историю. Напомню, что Аристотель в своей «Политике» приводит рассказ об одном философе, которого попрекали бедностью: мол, занятия философией никакой выгоды не приносят. Решив показать неправоту подобного социального отношения к своей деятельности, этот философ (по преданию им был Фалес Милетский) рассчитал на основании астрономических данных год наступления богатого урожая оливок и еще до истечения зимы контрактовал все маслобойни, выдав их владельцам в задаток имевшуюся у него небольшую сумму денежных средств. Когда наступило время сбора оливок и сразу многим одновременно потребовались маслобойни, он, отдавая маслобойни на откуп на выгодных для него условиях, собрал много денег, доказав, как пишет Аристотель, «что философам при желании легко разбогатеть, но не это является предметом их стремлений»¹.

Это утверждение о получении философами удовлетворения главным образом от результатов своей научной деятельности, конечно, можно признать за аксиому. Кстати, и Платон, обосновывая необходимость правления именно философов в идеальном государстве, указывал на то обстоятельство, что философы смогли найти для себя лучший образ жизни, чем обладание властью и богатством.

Но сквозящее во фразе Аристотеля (как и во многих высказываниях Платона и других философов) достаточно негативное отношение к деньгам сыграло далеко неположительную, в том числе и для науки, роль. Сегодня, как и во времена Аристотеля и Фалеса Милетского, мы сплошь и рядом сталкиваемся с рецидивами пренебрежительного отношения в социуме к представителям научного сообщества и с желанием власть имущих по-прежнему эксплуатировать особый интерес ученых к своей работе, оставляя науку (прежде всего фундаментальную) фактически на голодном финансовом пайке.

Более того, возникшее со времен Платона и Аристотеля достаточно негативное отношение философии к деньгам нашло свое отрицательное проявление и в том, что касательно де-

нег можно говорить о появлении и проявлении своего рода социальной неопределенности. Этот феномен дает о себе знать в современных теориях и обыденных трактовках денег, в методах проведения и целях денежно-кредитной политики, организации процесса денежной эмиссии и регулировании банковской деятельности.

Не случайно к деньгам применимо высказанное Августином Блаженным замечание о времени – всякому понятно, что это такое, однако никто не может объяснить это другим. В обыденном смысле для большинства людей деньги означают известные им предметы в виде монет или бумажных купюр, находящиеся в кармане, в сейфе, в банке или в любом ином депозитарном институте. Люди обычно обращают внимание лишь на их видимую оболочку, но признают за ней во многом неведомую, хотя и вполне осязаемую силу. Когда же (и если) мы начинаем задумываться над сущностью и происхождением этой силы, над тем, что означает само наличие денег, не в обыденном понимании, а в философском плане, как только задаемся вопросом «что такое деньги?», то сразу же попадаем в лабиринт затруднений и парадоксов.

Безусловно, в какой-то мере такое положение связано с тем, что «язык» денег историчен и подвержен достаточно существенным изменениям, которые проявляются в смене денежных инструментов (формы денег). Но и в этом случае трудно объяснимым является тот факт, что людям, которые с незапамятных времен, можно сказать, были «встроены» в этот язык и сейчас используют его в повседневной социальной практике, нелегко дается понимание его социального значения.

Характерной чертой многих дискуссий, в той или иной степени затрагивающих проблему денег, является упоминание о них как о некоем всем известном, само собой разумеющемся явлении нашей социальной жизни, которое возникло и существует благодаря каким-то социальным конвенциям. Однако, говоря об указанных конвенциях, подразумевают часто совершенно разные вещи. Благодаря одному из родоначальников теории договорного происхождения государства, английскому философу Т.Гоббсу (который, кстати, критически относился к трудам Аристотеля и Платона), широкое распространение получило сравнение денег с кровью государства или социального организма. Эта аналогия, конечно, может увлечь воображение, но мало проясняет вопрос о происхождении денег и изменении денежных форм. Более того, она приучает смотреть на деньги как на нечто данное свыше.

Следует отметить еще одну немаловажную деталь. Независимо от того, какого философского направления придерживались и придержи-

живаются те или иные авторы, рассматривают ли они деньги лишь как знаки стоимости или усматривают их бытие в определенной материальной форме, первопричина денег неизменно выводится исключительно из товарного обмена. При этом сами деньги анализируются главным образом как средство обращения и смешиваются с их исторически изменчивой формой, что порождает неадекватное отношение к денежной эмиссии, инфляции и банковской системе. Отсюда вытекают многие противоречия и трудности эффективного функционирования государства и гражданского общества.

К сожалению, и академическая социология, убеждая себя и других, что она занимается обществом как «целым», изучением особого рода «целостности», отнесла проблему денег к вопросам экономической науки, воспринимая деньги в основном как данное и сосредоточив главное внимание на так называемых внеэкономических источниках социального мира. Большинство социологических исследований, проводившихся по этой теме, носит преимущественно описательный характер, ограничивается рассмотрением известных внешних форм денег и деятельности кредитных институтов. Глубоко не анализируются социальные причины и социальное значение исторической трансформации денежных форм, факторы и негативные социальные последствия неудовлетворительного выполнения современными денежными инструментами денежных функций. Фактически не исследуются и не выявляются необходимые социальные механизмы устранения указанных негативных последствий.

Вместе с тем существенная часть социально-экономических и политических проблем в современном мире во многом является следствием упрощенных теоретических описаний и неспособности фиксировать сдвиги в идеологии и методах реализации денежной политики, в условиях функционирования банковских систем, в значительной мере определяющих изменения социальных отношений и каркас государственной жизни. Особо отмечу, что, хотя указанные проблемы являются общими для всех стран мира, однако нахождение путей их решения, как это часто случается, сталкивается с особыми сложностями в России, где можно наблюдать «гремучую смесь» из теоретических и практических ошибок в деятельности монетарных властей. В нашей стране трудно обнаружить индикаторы социально обоснованной и рациональной денежно-кредитной политики. «Этатистический эгоизм» властных структур на фоне искаженного представления в обществе о социальных корнях денег и причинах их обесценения порождает социально нерациональные методы денежной эмиссии, а потому и вредные способы борьбы с инфляцией². С одной сторо-

ны, представители власти, следуя подходам, вытекающим из современных концепций количественной теории денег, неправомерно позиционируют государственные структуры в качестве единственного источника денег в обществе³, что чревато возрождением тоталитаризма. Одновременно игнорируются объективные потребности социальных субъектов и возможности расширения кредитных отношений в результате использования неэффективных методов регулирования банковской системы. С другой стороны, в мышлении представителей российских денежных властей явно сохраняются рудименты золотого фетишизма. Проявляются они в представлениях о том, что эмиссия денег Центральным банком должна обеспечиваться какими-то другими «настоящими деньгами», а не сама обеспечивать развитие кредитных отношений в объемах, необходимых для полноценного функционирования общества.

Правда, золотой фетишизм трансформировался у нас в валютный: денежная масса фактически полностью формируется за счет приобретения Банком России иностранной валюты. При этом, с пафосом заявляя о росте валютных резервов, российские монетарные власти пытаются закамуфлировать разрушительный эффект валютного фетишизма и своей политики, которая приводит к превращению рублей в суррогат долларов и евро для внутреннего пользования, привнося тем самым дополнительные трудности, препятствующие развитию российского общества. Она также формирует ситуацию, при которой о реальной независимости и суверенитете государства можно говорить лишь с большой натяжкой. Но самым тревожным фактом является практически полное непонимание на всех уровнях власти того, что отмеченные недостатки и несуразности в денежно-кредитной политике способны вызвать всеобщий крах⁴.

Сегодня нет недостатка в рассуждениях о важности «снятия» российской экономики с «нефтяной иглы» и ее диверсификации, об обеспечении научно-технического прогресса и расширении малого предпринимательства, о повышении социальной составляющей в деятельности российского бизнеса и «врачевании» коррупции. Но нет и совокупности инноваций, стягивающихся в научные исследовательские программы в этой области, нет комплексного подхода к объяснению причин и условий формирования указанных процессов и явлений. И не случайно, что дальше рассуждений дело практически не движется.

Для пояснения причин отмеченной «не случайности» уместно привести несколько цитат из статьи Дж. Кейнса «Взгляд на Россию», написанной им под впечатлением от первого посещения Советского Союза в 1925 г., в самый

расцвет НЭПа. Кстати, посетил он тогда нашу страну по приглашению Российской академии наук по случаю празднования ее 200-летия. Понятно, что Кейнсу, как и всем иностранцам, попытались показать витрину достижений нового строя. Но представший взору ученого социальный пейзаж, который многие и сейчас рисуют как наиболее благоприятный фрагмент социально-экономического развития СССР (пейзаж, сменившийся, как известно, дикими картинами тоталитаризма и кровавой панорамой ГУЛАГа), и тогда выглядел достаточно тревожным. К сожалению, в настоящем просматриваются определенные параллели с тем периодом. Хотя власти современную ситуацию в России, как и в 1925 г., в основном стараются представить в розовом цвете, научному мышлению открываются далекие от безудержного оптимизма перспективы развития российского общества.

Тогда от взгляда Кейнса не ускользнуло, что система налогообложения, способы оценки дохода и иные предписания властей загоняют представителей российского бизнеса в нереальные условия. Так что для советского среднего класса не существовало «других возможностей получить большие доходы, помимо тех, которые связаны с определенной долей риска, сопряженного с повсеместными взятками и хищениями...»⁵. Во многом подобную ситуацию можно наблюдать и в современной России⁶. Ее негативные последствия, я думаю, объяснять не нужно.

Второе замечание Кейнса, на которое хотелось бы обратить внимание, непосредственно относится к смысловым структурам, составляющим каркас любого общества и во многом определяющим перспективы реализации имеющегося социально-экономического потенциала. Кейнс отметил: «Народ в России весьма жаден на деньги..., по крайней мере он столь же жаден, как и все остальные народы. Но умение делать деньги и хранить их, как это принято у нас, не входит в жизненные расчеты разумного человека, который приемлет советские законы. А общество, где такое отношение к деньгам хотя бы в какой-то мере справедливо, — довольно настораживающее нововведение»⁷.

Если с учетом сегодняшнего знания истории, последовавшей за периодом, описанным Кейнсом, перевести его суждения на сухой научный язык, то получится следующий вывод. Отмеченное Кейнсом отношение советского общества к деньгам, близкое к понятию «денежный нигилизм», свидетельствовало о том, что использовавшиеся в нем формы денег практически не выполняли свою функцию средства сбережения. Данная ситуация негативно сказывается на выполнении деньгами всех остальных своих функций, отражая историческую не-

определенность, слабый уровень социальной интеграции и отсутствие стабильности в обществе. При невыполнении или недостаточно эффективном выполнении деньгами своих функций перспективы социально-экономической системы, в рамках которой они используются, оказываются достаточно туманными.

И современная Россия сталкивается во многом с аналогичной проблемой. Узость и односторонность общепризнанных трактовок денег оставляют нерешенным вопрос об обеспечении их адекватного функционирования. Проявляется это и в низком уровне доверия к рублю как средству сбережения, и в неудовлетворительных результатах деятельности российской банковской системы в целом. Проводится, по существу, антиинфляционная денежно-кредитная и антиинфляционная политика, используются во многом нерациональные методы регулирования деятельности коммерческих банков. Все вместе это определяет окрестности бездны, на краю которой вырастают мыслительные структуры, препятствующие образованию необходимых социальных и государственных институтов. Но зато запускается механизм для разрастания нерациональных, социально убогих очагов власти, в том числе цинично называемых демократическими или народными. При этом отношение действующей политической власти к деньгам всякий раз формируется на основе узкого горизонта своих эгоистических устремлений, что весьма деструктивно для социальной жизни. К сказанному можно добавить, что «половина ходячей мудрости наших государственных мужей – говоря словами того же Кейнса – берется из прописей, верных или хотя бы отчасти верных для своего времени, но день ото дня все меньше подходящих для наших дней»⁸. В настоящее время негативные результаты этой «ходячей мудрости» рельефно проявляются в денежно-кредитной политике, которая остро нуждается в существенной корректировке.

Базовая посылка для такой корректировки заключается в том, что деньги, как, впрочем, и власть – и в их «первородном», и в их естественно-легитимном значении – следует рассматривать в качестве производной от кредитных отношений. Эти отношения можно назвать метафизической основой гражданского общества⁹. Для многих, привыкших видеть в деньгах главного виновника ограничения своих возможностей, это может показаться странным, но сущность денег расположена в той области, где открывается истина свободной человеческой деятельности и человеческого общения, где реализуется доверие как высшая ценность в отношениях между людьми. Возможность реализации человеческой свободы объективно предполагает появление и наличие денег как формы горизонтальной интеграции членов общества. Важ-

но осознать, что социальная необходимость появления денег заключалась не просто в обеспечении товарного обмена. Она была вызвана потребностью формирования кредитных отношений между относительно самостоятельными социальными субъектами, все возрастающее число которых и возможности их самореализации в обществе характеризуют каждую последующую стадию исторического прогресса человечества. Существование и развитие любого человеческого общества оказывается невозможным без готовности одних членов общества вносить больший вклад в создание материальных и духовных благ, чем они получают или могут получить в тот или иной конкретный период времени от других его членов.

От того, насколько в обществе развито понимание данного факта как естественной нормы социальной жизнедеятельности, а также созданы условия для сознательного принятия индивидами такой социальной позиции, во многом зависели и зависят условия развития того или иного общества. Нельзя сказать, что это не осознавалось. В различных религиозных и философских системах, а также в рамках секулярной государственной идеологии можно обнаружить много положений, направленных на стимулирование людей вносить больший вклад в так называемое общественное благо. Это называлось добродетельность или благотворительность. Однако при этом затушевывалось то обстоятельство, что люди с такой установкой и образом жизни всегда оказывались кредиторами общества.

Бесспорно, то или иное лицо, совершающее добродетельный поступок, может в качестве своего рода оплаты испытывать удовлетворение от самого факта собственных действий или даже от самопожертвования. Но для того, чтобы указанные действия приобрели необходимый для развития общества постоянный и массовый характер, они нуждаются в соответствующем признании со стороны тех, кому эта «благотворительность» оказывается. Более того, и любая добродетель также нуждается в определенных формах признания и вознаграждения, поскольку в противном случае она может вырождаться в маниакальные действия различного рода фанатиков. «Обещания» вознаграждения за добродетель в эсхатологической перспективе, безусловно, можно рассматривать как способ закрепления в сознании людей необходимости таких кредитных отношений, которые не трансформировались бы в ростовщические; которые способствовали бы развитию человеческой личности, а не превращались бы в фактор ее закабаления. Однако обратная сторона такого подхода связана с тем, что мы перестаем замечать или забываем о кредитной природе естественных социальных прав¹⁰.

Общество развивается на острие готовности части своих членов, обладающих большими творческими способностями (как умственными, так и физическими), к прагматическому альтруизму. Свободно и ответственно осознавая себя самостоятельной частью общественного целого, они реализовывали свои возможности, одновременно формируя сообщество кредитоспособных и платежеспособных субъектов. И деньги объективно потребовались для того, чтобы воплотить в жизнь и запустить этот механизм социального развития¹¹.

Иными словами, условия развития и интеграции социума, а также реализации человеческой свободы объективно предполагают обязательное наличие кредитных отношений и появление денег как кредитного инструмента, фиксирующего и определяющего своего рода естественные социальные права¹² его обладателей как кредиторов общества¹³.

Говоря об естественных правах кредиторов, я хотел бы подчеркнуть вполне естественную норму социальной жизни, согласно которой человек не вправе требовать удовлетворения своих потребностей за счет других людей, не принимая на себя в ответ соответствующих обязанностей или предварительно не обеспечив результатами своей деятельности удовлетворение чужих потребностей.

Это определение может показаться абстрактными и плохо подтверждаемыми данными эмпирической действительности, которая свидетельствует о постоянном стремлении большой массы людей иметь только права, пользоваться благами, полученными от других, но не иметь при этом никаких обязанностей. Но на самом деле само утверждение о том, что к такому образу жизни и взаимоотношениям стремится большая масса людей, содержит в себе свое отрицание. Когда к этому стремятся все, то ни одному человеку указанное стремление не удается реализовать на практике, или по крайней мере добиться сохранения достигнутого положения¹⁴. Кроме того, эмпирически познаваемая реальность представляет нам многочисленные факты формирования указанных естественных прав и обязанностей, без соблюдения которых человечество просто не состоялось бы. Самым простым примером может служить забота о детях и их воспитании, что, правда, характерно и для всего живого на земле. Особенность человеческого рода (в отличие от животного мира) заключается в том, что такие взаимоотношения постепенно стали проявляться в процессе взаимодействия людей, которые не были связаны никакими родственными узами. Это и привело к появлению денег¹⁵.

К сожалению, многим достаточно трудно понять, что деньги, по сути, всегда представляли и представляют собой естественно обу-

словленное социальное право, а не какой-либо товар. И это право с самого начала было основано на их кредитной природе. Форма, в которой это право количественно фиксируется, выражается, сохраняется и реализуется на практике, и представляет собой форму денег. В процессе развития цивилизации деньги как выражение правовых отношений между кредиторами и должниками изменяли свою форму¹⁶. Неизменным остается лишь то обстоятельство, что сфера денежно-кредитных отношений является основой формирования относительно независимой от властной вертикали системы социальных прав и обязанностей в гражданском обществе¹⁷.

Замечу, что, как и любая другая институциональная форма, форма денег на одних исторических этапах может способствовать процессу социально-экономического развития, а на других – тормозить его, что и вызывает социальную потребность в ее замене. Общественное признание (хотя не всегда осознанное значительной частью общества) данного факта характеризуется наличием или отсутствием доверия, которым пользуется та или иная форма денег, что отражается в показателях ее обесценения.

Подчеркивая кредитную природу денег и тот факт, что они не могли вырасти из простого товарообмена, мы, конечно, не хотим сказать, что их появление не способствовало развитию товарообменных отношений. Но сторонники традиционной точки зрения, которые выделяют в качестве основополагающей функции денег их функцию как средства обмена и представляют появление денег в виде товара, пользовавшегося повышенным спросом, упускают из виду целый ряд факторов. Одним из наиболее очевидных является, например, то обстоятельство, что потребности производителей товаров, пользовавшихся повышенным спросом, по определению, должны были полностью удовлетворяться в результате обмена их продукции на все остальные товары, которые могли быть произведены их контрагентами при данном уровне развития товарного производства. Тот факт, что эти товары свободно обменивались на все другие, не означает, что они выполняли функции денег. Для того чтобы стать деньгами, необходим был относительный избыток этих товаров, поскольку они должны были использоваться их потребителями не по назначению (не в соответствии с их потребительной стоимостью). Но в случае появления избытка таких товаров они бы уже не пользовались повышенным спросом и не могли бы претендовать на статус денег. Вместе с тем, если рассмотреть ситуацию с драгоценными металлами, которые действительно стали одной из первых форм денег, то в рамках просто-

го товарообмена в принципе невозможно убедительно объяснить появление повышенного спроса на них как на товар¹⁸.

Все становится на свои места, если осознать, что деньги могли появиться только в процессе организации кредитных отношений. Понятно, что развитие этих отношений предполагало возможность и необходимость использования денег в качестве инструмента обмена. Превращаясь в важнейший элемент формируемой естественной системы прав и обязанностей между людьми, деньги стали объединять не только партнеров по конкретным экономическим транзакциям, но и так называемых «социальных анонимов», выступавших на самом деле в роли анонимных кредиторов. Последние со временем переставали иметь непосредственные прямые контракты со своими должниками и могли уже не иметь конкретного представления друг о друге. Но косвенным образом все товаропроизводители оказывались связанными между собой посредством уходящих вглубь кредитных цепочек. Данные цепочки проявлялись на поверхности в виде единых инструментов, используемых при реализации и приобретении товаров и услуг. Это объясняет допущенную впоследствии теоретическую ошибку, связанную с выведением денег из товарного обмена. Указанная ошибка была допущена вследствие отсутствия должного внимания к тому обстоятельству, что данные инструменты не смогли бы получить признание товаропроизводителей, а также обеспечить возможность объединения социальных субъектов в пространстве и во времени, если бы за ними с самого начала не стояли признаваемые права кредиторов. Такие инструменты могли стать деньгами прежде всего благодаря своей кредитной основе¹⁹. Именно путем формирования и использования общей формы кредитных инструментов и инструментов обмена могло происходить признание относительно обособленных членов человеческого сообщества своей потребности в результатах деятельности друг друга и своей взаимозависимости, а следовательно, взаимное признание прав и обязанностей, естественным носителем которых стали деньги²⁰.

За блеском золота кредитная природа денег, конечно, стала трудно различима. И тем не менее, любую форму денег, включая их золотую оболочку, правильно рассматривать не как товар, а как кредитный инструмент²¹. Это стало достаточно очевидным с появлением современных форм так называемых банковских денег. Но и сегодня многие не отдают себе отчета в том, что характерной особенностью денег является то, что их обладатели (если не учитывать получение денег в качестве подарка, наследства или в результате воровства) до мо-

мента их использования всегда выступают в роли кредиторов других членов общества.

Концепция кредитной природы любой формы денег способствует осознанию того, что в нашей стране денежная эмиссия не должна зависеть от произвола и своенравной позиции государственных чиновников. Становится очевидной потребность в принципиально ином подходе к формированию денежной массы, в пересмотре нашего отношения к целям и функциям коммерческих банков, банковской системы в целом. Значение коммерческих банков заключается не просто в перераспределении временно свободных денежных ресурсов, а в активном участии в их формировании в процессе кредитной деятельности. Денежная эмиссия Центрального банка должна быть нацелена на обеспечение социального доверия к банковской системе, а не превращаться в производную от объемов поступающей в страну иностранной валюты²². Это предполагает поддержку кредитной эмиссии коммерческих банков при адекватном контроле и надзоре за качеством их кредитной политики, артикуляцию необходимости полноценного расширения кредитных отношений в социуме при жестком противодействии любым формам монополизации банковской деятельности.

Меры по повышению общей обстановки доверия в обществе, и к банковской системе в особенности, являясь условием развития кредитных отношений и эффективного функционирования денег, должны предусматривать необходимость устранения не только прямого, но и косвенного участия правительства в денежной эмиссии. Гражданское общество не может считаться полноценным, если оно не в состоянии противостоять монополистическим устремлениям (как со стороны государственной власти, так и отдельных банков) установить контроль над банковской сферой и развитием денежно-кредитных отношений.

Теория кредитной природы денег позволяет уяснить, что государство, хотя ему, бесспорно, принадлежит весомая роль в обеспечении условий денежного обращения, никогда не являлось и не может рассматриваться в качестве источника денег для экономики. Учитывая социальную кредитную природу денег, становится очевидной причина и вся пагубность постоянно предпринимаемых властью попыток установить и утвердить государственную монополию на денежную эмиссию, подчинив себе сферу денежно-кредитных отношений. Тем самым государственные структуры стремятся ликвидировать основу формирования независимой от властной вертикали системы прав и обязанностей в гражданском обществе.

Однако, как свидетельствуют многочисленные факты, монополизация государством де-

нежной эмиссии, подчинение им своей власти кредитных институтов стимулирует нерациональное использование ресурсов общества и способствует инфляции, общему обесценению эмитируемых денежных инструментов и дисфункции денег. Учитывая, что в качестве борьбы с инфляцией государство очень часто прибегает к самому примитивному и бесперспективному способу ее врачевания в виде прямого или косвенного регулирования цен, все это чревато полным разрушением рыночного механизма со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для социального развития.

Когда государственная власть свертывает независимые денежно-кредитные отношения и банковскую систему, определяет размеры и структуру денежной эмиссии, то это означает, что она воздействует на всю жизнь общества и его отдельных членов, контролируя направления социально-экономической деятельности индивидов и жестко их регламентируя. Такая ситуация, если ее вовремя не скорректировать, с неизбежностью подталкивает общество в пропасть тоталитаризма.

Кстати, еще Ш.Л.Монтескье охарактеризовал подобную ситуацию как одну из главных причин деспотизма, в частности, в России. Если слова Монтескье перевести на современный язык, то причина эта состоит во все подавляющей монополии власти и ее стремлении установить тотальный контроль над банковской системой и развитием денежно-кредитных отношений. Буквально, в своем трактате «О

духе законов» Монтескье написал следующее: «Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма – и не может. Торговля, чтобы сделаться прочной, требует вексельных операций; но вексельные операции находятся в противоречии со всеми законами этой страны. В 1745 г. царица²³ подписала указ об изгнании евреев за то, что они перевели за границу деньги лиц, сосланных в Сибирь, и иностранцев, состоящих на русской службе. Подданные империи, подобно рабам, не имеют права без специального разрешения ни выехать за границу, ни переслать туда свое имущество. Итак, вексельный курс, дающий возможность переводить деньги из одной страны в другую, противоречит законам Московии. Самая торговля противоречит этим законам. Народ там состоит из одних рабов – рабов, прикрепленных к земле, и рабов, которые называются духовенством или дворянством на том основании, что они – господа первых»²⁴.

Общий вывод из сказанного заключается в том, что перспективы развития российского общества будут оставаться достаточно туманными без концептуальной переоценки социально-политической роли денег и банковской системы. Требуется решение базовой проблемы формирования и поддержания таких социальных условий, которые обеспечивают соответствие прав и обязанностей участников кредитных отношений, а также противодействуют различным формам монополизации права и злоупотребления им.

¹ *Аристотель*. Политика (А. IV.5.). М., 2006. С.43.

² Не учитывается, в частности, что обесценение денег может проявляться как в явной форме – в росте цен на все товары и услуги, по динамике которых обычно и оценивают инфляцию, так и в скрытой форме – в виде падения производства пользующихся спросом товаров и услуг, в появлении их дефицита. К скрытой форме обесценения денег относится также неудовлетворительное использование имеющегося экономического и научно-технического потенциала общества, расширение объемов натурального производства и обмена и т.п. Скрытая форма характерна для ситуаций, когда государство под видом борьбы с инфляцией начинает в административном порядке регулировать цены на различные товары и услуги, а также прибегает к мерам по общему ограничению денежной массы и кредита. Как правило, эти меры сопровождаются сохранением размеров денежных выплат тем, кто своей деятельностью не способствует, а препятствует экономическому развитию (включая различного рода монополистические образования и бюрократический аппарат самого государства). В таких случаях мы одновременно можем наблюдать экономический спад, сокращение денежной массы и ее обесценение. Как известно, лекарствами, которые не лечат, лечат болезнь, которую не хотят вылечить. Основной причиной инфляции было и остается невыполнение или неудовлетворительное выполнение государством возложенных на него функций при том, что оно регулярно с помощью налогов, сборов, займов и принудительной эмиссии, также нелегальных методов коррупционного порядка получает и расходует денежные средства на содержание своего бюрократического и карательного аппаратов.

³ Если вдуматься в содержание 1-й и 2-й частей ст. 75 Конституции РФ, то становится очевидным, что составители нашего «основного закона» были далеки от понимания смысла денег и денежной эмиссии, а также необходимых условий ее практической реализации в целях поступательного развития общества. С учетом корректировки теоретических представлений и практических сторон денежной эмиссии ст. 75 Конституции РФ нуждается в поправке. В настоящее время в первой части этой статьи установлено, что «денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются». Вместо «денежной эмиссии» социально и экономически грамотным являлось бы указание на то, что эмиссия банкнот, деноминированных в рублях, осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. При этом банкноты ЦБ РФ определялись бы как единая форма налично-денежных обязательств российской банковской системы. Введение и эмиссия других банкнот, деноминированных в рублях

(но не самих денег), действительно, может быть запрещена. Заметим, что в большинстве развитых стран особый правовой статус банкнот центральных банков как денежного средства заключается лишь в том, что в случаях, если договором между экономическими субъектами не предусмотрены иные формы осуществления расчетов и погашения обязательств, то оплата или погашение долга банкнотами центрального банка является законной формой урегулирования долговых отношений. В случае отказа кредитора от принятия от должника банкнот центрального банка (в погашение своего долга) это рассматривается как неправомерное затягивание им сроков урегулирования обязательств (долговых отношений). Вторая часть 75-й статьи Конституции РФ гласит, что «защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти». Данная формулировка позволяет Банку России неправомерно ограничивать свою задачу и социальную ответственность лишь искусственным поддержанием валютного курса рубля, что само по себе имеет негативные социально-экономические последствия. Для сравнения отметим, что основной законодательно закрепленной задачей Федерального резерва США (исполняющего функции центрального банка) является «поддержание в долгосрочном плане роста объемов денег и кредитов соразмерно с возможностями экономики по увеличению промышленного производства так, чтобы эффективно достигнута максимальная занятость населения, стабильности цен и умеренных процентных ставок по долгосрочным кредитам». (Federal Reserve Act, section 2A – Monetary Policy Objectives. 12 U.S.C. 225a. As added by act of November 16, 1977; and amended by acts of October 27, 1978; August 23, 1988; and December 27, 2000.). Отметим также, что в настоящее время в США существуют три формы (или программы) кредитования Федеральными резервными банками (коллективным центральным банком США) коммерческих банков: основная программа рефинансирования, вспомогательная программа и программа предоставления сезонных кредитов. По основной программе рефинансирования кредиты коммерческим банкам предоставляются обычно на один день. Но небольшие банки, которые не имеют доступа к ресурсам межбанковского рынка, могут получать кредиты на более длительные сроки (несколько недель). По этой программе кредиты предоставляются банкам, находящимся в целом в хорошем финансовом положении, по ставке, которая примерно на один процент выше среднерыночной ставки процента на межбанковском рынке. Основной программой рефинансирования имеют право воспользоваться большинство американских коммерческих банков. Коммерческие банки, которые не имеют права на получение кредита по условиям основной программы рефинансирования, кредитуются на условиях вспомогательной программы рефинансирования. Эта программа предназначена для оказания помощи коммерческим банкам, испытывающим временные финансовые затруднения. Процентная ставка по таким кредитам на половину процентного пункта выше ставки процента, взимаемой в рамках основной программы. Условия получения данных кредитов являются более жесткими. Однако кредиты могут предоставляться уже на несколько месяцев. Цель третьей программы рефинансирования заключается в предоставлении сезонных кредитов небольшим банкам и кредитным организациям, регулярно испытывающим сезонные финансовые трудности (например, банкам, занятым обслуживанием и кредитованием клиентов в сельскохозяйственных или курортных районах). Такие кредиты предоставляются сроком на девять месяцев, по среднерыночным ставкам процента. В законе о Федеральной резервной системе США определены также особые условия кредитования Федеральными резервными банками коммерческих банков, а также других юридических и физических лиц в ситуации, которая грозит системным банковским кризисом. В России, в отличие от США и других развитых стран, Банк России занимается рефинансированием только крайне узкого круга «приближенных» коммерческих банков. При этом условия рефинансирования (активы, принимаемые в качестве обеспечения кредитов) стимулируют сохранение экспортно-сырьевой структуры нашей экономики.

⁴ К сожалению, сталкиваясь с неадекватным механизмом функционирования денег (инфляция, коррупция, роскошь, нищета и т.д.), даже думающие люди могут достаточно легко впасть в заблуждение относительно действительных причин этих негативных явлений. А политические авантюристы получают возможность с легкостью, как это обычно бывает в истории, вновь навязать обществу опасные идеи решения различных социальных проблем посредством устранения денег, национализации банков или государственного регулирования цен. При этом, естественно, упускается из виду, что все социальные проблемы порождаются злоупотреблениями правом и властью. Эти злоупотребления (вписываясь в алгебру насилия и геометрию узурпации социальных прав, выстраиваемых в рамках гражданского общества) всегда обусловлены деятельностью различных монополистических образований и сопутствуют им. К таким образованиям, к стати, относятся и любое государство. Однако устранить злоупотребления правом посредством уничтожения самого права (одним из инструментов реализации которого являются деньги) просто невозможно. Если человек имеет ясное и адекватное представление о том, как функционирует общество, он не будет рассматривать вопрос об устранении социально неустранимого. Вместо этого он будет стремиться найти механизмы, позволяющие избежать или нейтрализовать негативные побочные эффекты от этих злоупотреблений и противодействовать монополистическим устремлениям отдельных лиц и социальных групп.

⁵ Кейнс Дж.М. Взгляд на Россию // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.). М., 2000. С.311.

⁶ Конечно, сравнивать можно не только с периодом НЭПа. В этой связи позволю себе привести достаточно обширную выдержку из так называемой «Исповеди» М.Бакунина российскому императору Николаю I. В ней идеолог российского революционного анархизма, будучи заключен в Петропавловскую крепость, объясняет царю причины возникновения у него мыслей о необходимости революционного переворота в России. «Когда обойдешь мир, – пишет М.Бакунин, – везде найдешь много зла, притеснений, неправды, а в России, может быть, более чем в других государствах. Не оттого, чтоб в России люди были хуже, чем в Западной Европе;

напротив я думаю, что русский человек лучше, добрее, шире душой, чем западный; но на Западе против зла есть лекарства: публичность, общественное мнение, наконец, свобода, облагораживающая и возвышающая всякого человека. Это лекарство не существует в России. Западная Европа потому иногда кажется хуже, что в ней всякое зло выходит наружу, мало что остается гайным. В России же все болезни входят вовнутрь, съедают самый внутренний состав общественного организма. В России главный двигатель – страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души. Трудно и тяжело жить в России человеку, любящему правду, человеку, любящему ближнего, уважающему равно во всех людях достоинство и независимость бессмертной души, человеку, терпящему одним словом не только от притеснений, которых он сам бывает жертва, но и от притеснений, падающих на соседа! Русская общественная жизнь есть цепь взаимных притеснений: высший гнетет низшего; сей терпит, жаловаться не смеет, но зато жмет еще низшего, который также терпит и также мстит на ему подчиненном... Везде воруют и берут взятки и за деньги творят неправду! – и во Франции, и в Англии, и в честной Германии, в России же, я думаю, более чем в других государствах. На Западе публичный вор редко скрывается, ибо на каждого смотрят тысячи глаз, и каждый может открыть воровство и неправду, и тогда уже никакое министерство не в силах защитить вора. В России же иногда и все знают о воре, о притеснителе, о творящем неправду за деньги, все знают, но все же и молчат, потому что боятся, и само начальство молчит, зная и за собою грехи... В России трудно и почти невозможно чиновнику быть не вором. Во-первых, все вокруг него крадут, привычка становится природою, и что прежде приводило в негодование, казалось противным, скоро становится естественным, неизбежным, необходимым; во-вторых, потому, что подчиненный должен сам часто в том или другом виде платить податей начальнику, и, наконец, потому, что если кто и вздумает остаться честным человеком, то и товарищи и начальники его возненавидят; сначала прокричат его чудачком, диким, необщественным человеком, а если не исправится, так, пожалуй, и либералом, опасным вольнодумцем, а тогда уж не успокоятся, прежде чем его совсем не задавят и не сотрут его с лица земли. Из низших же чиновников, воспитанных в такой школе, делаются со временем высшие, которые в свою очередь и тем же самым способом воспитывают вступающую молодежь, – и воровство и неправда и притеснения в России живут и растут, как тысячеленный полип, которого как ни руби и ни режь, он никогда не умирает... Отчасти потому, что трудно отстать от старой, закоренелой привычки; отчасти потому, что каждый затянут, запутан, обязан другими вместе с ним воровавшими и ворующими ворами; более же всего потому, что всякий утешает себя мыслью, что он будет действовать так осторожно и пользуется такою сильною воровскою же протекциею... Против такого зла необходимы... благородство чувств, самостоятельность мысли, гордая безбоязненность чистой совести, уважение человеческого достоинства в себе и в других, а, наконец, и публичное презрение ко всем бесчестным, бесчеловечным людям, общественный стыд, общественная совесть! Но эти качества, силы цветут только там, где есть для души вольный простор, [а] не там, где преобладает рабство и страх. Сих добродетелей в России боятся, не потому, чтоб их не любили, но опасаясь, чтобы с ними не завелись и вольные мысли...». См. Классика революционной мысли домарксистского периода. В 4 т. од общей ред. И.А.Теодоровича // *Бакунин М.А.* Т. 4. М., 1935. С.22–97.

⁷ Кейнс Дж.М. Взгляд на Россию // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С.312.

⁸ Кейнс Дж.М. Я – Либерал? // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С.303.

⁹ Взаимосвязь денег и власти осознавало и на нее указывало достаточно много социологов, не до конца понимая, правда, что в основе ее лежит механизм реализации кредитных отношений в обществе, определяющий и условия формирования естественных прав и обязанностей. Например, Т.Парсонс, рассматривая, как и большинство экономистов, деньги лишь как средство обмена, предложил «истолковать власть в политическом смысле тоже как средство взаимобмена, хотя и отличное от денег, но сравнимое с ним» (*Парсонс Т.* Система современных обществ. Перевод с английского. М., 1998. С.233). Однако и власть, и деньги определялись им как нечто априори стоящее «на входе» социальной системы. Это нечто в сочетании с другими элементами и средствами обмена должно было производить полезные для системы эффекты «на выходе».

¹⁰ Негативная сторона указанного подхода заключается еще и в том, что он помогает представителям государственной власти обосновывать свои претензии и требования к гражданам (подданным) в отношении исполнения ими установленных властью обязанностей, и одновременно, применяя различные формы насилия, пытаться закрепить за собой и определенными социальными группами монопольные привилегии. При этом философские и социально-политические доктрины превращались в политические мифы, следование которым приводило к многочисленным человеческим бедствиям, а легитимность государственных структур постоянно ставилась под сомнение.

¹¹ Важно, правда, уточнить само понятие «общественное развитие». С нашей точки зрения, это понятие наполняется смысловым содержанием только в случае, если оно отражает и выявляет приращения социальных связей, способствующих дальнейшему раскрытию разнообразных способностей и возможностей человека в обществе. Если рассматривать общество как форму взаимодействия людей, то общественное развитие следует определить как процесс постоянного поиска, нахождения и воспроизводства адекватной системы прав и обязанностей, позволяющей поддерживать их необходимый баланс в обществе. Причем адекватной эта система оказывается тогда и до тех пор, пока она способствует естественному расширению кредитных отношений в обществе. Только в этом случае обеспечиваются условия для раскрытия возможностей и способностей индивидов, что проявляется в расширении свободы их творчества, углублении разделения труда и одновременном в укреплении социальной интеграции, уровня социальной взаимозависимости и социального партнерства.

¹² Понятие естественных законов и естественных прав было известно и использовалось в философии с глубокой древности. Выступая или в трактовке божественных законов или законов природы, управляющих индивидуальной и общественной жизнью человека, естественные законы использовались как для обоснования божественной природы государства, власти и общества, так и противопоставлялись положительным, или юридическим законам, устанавливаемым законодательной властью для регулирования общественной жизни. Считается, правда, что естественно-правовая доктрина наиболее широкое развитие получила на почве индивидуализма и либерализма, поскольку установление границ государственной власти выливалось в требования соблюдения естественных прав отдельных лиц, а также в стремления найти начала, определяющие правильное употребление человеческой свободы. Однако в этих концепциях естественные права и свободы человека достаточно часто трактовались как данные свыше, а не получающие свое признание в процессе взаимодействия людей. И если естественные права признавались за человеком от рождения, то его обязанности выводились из наличия государства и общества, которые оказывались наделенными божественными полномочиями. Примером такого подхода может служить широко разрекламированное изречение Ж.-Ж.Руссо о том, что «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». При этом оказывались во многом скрытыми социальные аспекты естественного права, которые имеют лишь косвенное отношение к проблеме положительного права. Не выясненной оказывалась и естественная природа появления и сохранения власти. Во многом по этой причине все теоретические построения, заявлявшие о благе целого, разрушались, вступая в противоречие с естественным законом человеческого развития. Более того, они служили идеологической основой для появления различных форм тоталитарной власти, которая, реализуя себя в форме неправомерного насилия, разрушающего естественные основы своего сохранения, препятствовала созданию условий, необходимых для самореализации индивидов в процессе их совместной деятельности, то есть для раскрытия возможностей и способностей человека, понимаемого уже как совокупное целое.

В качестве противовеса указанным теоретическим построениям каждый раз появлялись так называемые либеральные теории, где во главу угла ставилась задача обеспечения свободы отдельного человека в его стремлении к самореализации и удовлетворению своих потребностей. Свобода человека определялась в качестве его естественного права, которое формально признавалось ограниченной свободой и правами других людей. Но при этом границы указанной свободы, как и определение естественного права, оказывались размытыми. В результате раскрытие возможностей и способностей человека как совокупного целого сводилось к возможности самореализации отдельных индивидов или свободы для избранных, что на практике превращалось в идеологическое обоснование естественного права как права сильного и также выливалось в появление тоталитарных режимов власти. Для того чтобы вырваться из данного порочного круга, как нам представляется, следует не просто отказаться от претензии на познание целого как цели и смысла человеческого развития, а сосредоточиться на понимании условий, обеспечивающих данное развитие.

¹³ Понятие «кредитор» предполагает признание его вклада другими членами общества в виде наделения определенными правами (форма фиксации которых может быть различной), к тому же кредитные отношения невозможны без принятия должниками на себя соответствующих обязательств. Проблема, однако, в том, что характер прав и обязанностей не может оставаться постоянным. Он с неизбежностью должен меняться по мере расширения человеческого общества, изменения социальной роли и места отдельных членов и социальных групп. Появление естественного права у кредиторов, в частности, в виде признания их права на власть, не могло само по себе сохраняться в течение неограниченного времени. Это право в своем естественном (или справедливом) значении ограничивалось периодом, в течение которого результаты их деятельности и руководства способствовали реализации человеческого потенциала, включая потенциал той или иной формы организации социума. Величина потенциала того или иного общества проявляется в предельно возможном уровне разделения труда и развитии способностей людей при данной форме организации своего общества и поддерживаемой системе установленных (но уже не естественных) прав и обязанностей. Несоответствие в том или ином обществе между установленными (положительными законами) правами и обязанностями членов общества и естественно признаваемыми правами и обязанностями на деле проявляется в распространении представлений, что установленная система прав и обязанностей не является справедливой. В этом случае можно считать, что к этому времени долг перед первоначальными кредиторами общества оказывался погашенным. Однако бывшие кредиторы могут злоупотреблять своими ранее естественными правами, требуя закрепления за собой власти и имеющихся привилегий. Эти претензии перестают иметь под собой естественного основания. Удержание бывшими кредиторами власти кредиторов превращается в форму нелегитимного (в значении не признаваемого справедливым) насилия. Сохранение власти за бывшими кредиторами, превратившимися на деле в должников общества, формирует основы для естественного распада или разрушения властной вертикали и социальной структуры данного общества.

¹⁴ Конечно, всегда существовало и существует стремление сохранить права без учета обязанностей, что на деле приводило и приводит к нарушению баланса, к деформации соответствия между естественными правами и обязанностями членов общества и социальных групп. На различных временных интервалах человеческой жизни такая деформация выражалась и выражается в фактах эксплуатации, в социально-политических конфликтах и распадах социальных и политических образований. Стремление к эксплуатации может проявляться в требованиях «социальной справедливости», если за этими требованиями скрывается лицемерное стремление одних получать больше, чем отдавать, не принимая на себя взамен никаких обязательств. Иными словами, идея «естественных прав» как основы социальной справедливости может трансформироваться в неправомерные требования «социального равенства», которые используются в качестве ширмы для всех (включая представителей государственной власти), кто стремится к получению для себя или сохранению за

собой больших прав, но пытается уклониться от выполнения своих обязательств. Поддержанию подобного рода стремлений в обществе способствовало то обстоятельство, что по мере роста общественного организма изменялась и форма фиксации прав кредиторов, становясь все больше обезличенной (в виде знаков отличия, государственных регалий, а также денежных инструментов). В частности, произошло обезличивание власти, в том смысле, что не власть стала атрибутом конкретного человека как кредитора общества, а человек стал находиться при власти; не человек стал «красить место», а «место – человека». При этом не государство оказывалось кредитором общества, а общество – кредитором государства, ожидая, правда, от представителей власти исполнения определенных общественно полезных функций. Среди части членов общества распространились и раблепные поверхностные представления о том, что распределение основных форм вознаграждения зависит от произвольного усмотрения и решения власть имущих, что только властвующие и вышестоящие лица могут им что-то предоставить, дать что-то необходимое. Как правило, не учитывается, что государство что-либо кому-либо дает только после того, как оно отнимет это у кого-то другого. Налогообложение рассматривается государством как свое неотъемлемое право, а уплата гражданами налогов как одна из их главных обязанностей. Любое уклонение от этой обязанности жестоко карается. Забывается, что на самом деле налогообложение следует рассматривать как форму социального страхования и кредитных отношений. Отданные гражданами налоги должны возвращаться к ним в форме социально необходимых благ и услуг, организация которых возлагается на государство. Однако рациональное использование полученных за счет налогов средств на общественно значимые цели не рассматривается государством как обязанность, обуславливающая его право на сбор налогов. Усиливающееся несоответствие между объемами имеющихся прав и обязанностей всегда приводит к тому, что само право перестает существовать. И раблепное отношение в обществе к представителям власти (культивируемое власть имущими) будет сохраняться лишь до тех пор, пока власть окончательно не потеряет кредит доверия социума.

Несколько иная, но по своим последствиям схожая трансформация произошла и с деньгами. Многие, правда, и сегодня не осознают, что деньги по своей сути всегда были и остаются формой социального права. Они появились как кредитный инструмент, который в процессе его все более широкого использования в расчетах за товары и услуги приобрел анонимный (обезличенный) по отношению к конкретному кредитору характер. В результате у различных членов общества появилось стремление, став обладателями денег, получить права и привилегии, не прикладывая при этом особых усилий, не становясь кредиторами общества и не исполняя необходимых обязанностей. Однако подобные действия в конечном итоге ведут обесценению денег, которое может проявляться как в скрытой форме (в виде дефицита товаров и услуг, а также обострения социальной напряженности), так и явной форме (в виде роста цен на товары и услуги). Заметим также, что стремление обладать деньгами или занимать государственные должности с властными полномочиями, приобретать права, но не исполнять соответствующих данным правам обязанностей, усиливает конкуренцию в борьбе за власть и обладание деньгами. Подобная конкурентная борьба, как правило, заканчивается достаточно плачевно для ее участников. Кроме того, она сопровождается падением авторитета власти и девальвацией денег. Тем самым кредитная природа власти и денег постоянно о себе напоминает.

¹⁵ В историческом плане процесс постоянного изменения общей организации, численности, условий жизнедеятельности и структуры управления обществом необходимо должен был включать в себя появление более высокого уровня свободы и самостоятельности его членов. Если говорить современным языком, то на этапе появления денег в нем уже была не столь жесткая властная вертикаль, какая могла существовать в рамках небольшого племени, скрепленного тесными родственными узами. При этом денежную форму признания прав кредиторов можно рассматривать как определенную альтернативу и противовес тем правам, которыми ранее наделялись вожди племен.

¹⁶ Поскольку деньги представляют собой механизм организации и реализации кредитных отношений, позволяющих формировать систему естественных прав и обязанностей членов общества, то совершенствование формы денег, с одной стороны, отражает процесс социального развития, а с другой – является конституирующим элементом этого развития. При этом любые действия, препятствующие адекватному изменению формы денег, а также возврат к использованию прежних денежных форм, свидетельствуют о торможении социального развития или о социальном регрессе.

¹⁷ Согласно традиции, заложенной основателями теории договорной природы государства, считается, что для реализации естественных прав граждан требуется государство. С этим утверждением можно было бы согласиться, если понимать под основной задачей государства создание условий для поддержания и развития естественно возникающих в обществе кредитных отношений, одной из форм которых является и социальное страхование. Заметим также, что само понятие естественного права вряд ли могло появиться, если бы люди не сталкивались в своей деятельности с естественным признанием прав своих кредиторов и принятием на себя определенных обязательств по отношению к ним. Представление об естественных правах как о божественных установлениях, скорее всего, могло возникнуть лишь на относительно высоком уровне развития человечества, до которого люди могли только при соблюдении этих прав и обязанностей, находя адекватные формы для их фиксации и реализации.

¹⁸ При традиционном подходе остаются невыясненными многие вопросы. В частности, почему у кого-то из наших давних предков вообще появилась идея поменять свой пригодный для индивидуального употребления товар, например, на такой практически бесполезный в то время для человеческой жизнедеятельности металл, каким являлось то же золото? Как этот металл вообще мог оказаться товаром, не говоря уже о том, чтобы стать таким товаром, который бы начал активно использоваться различными товаропроизводителями в обмен на результаты своей деятельности? В существующих сегодня трактовках роли и функции денег этот вопрос

не раскрывается. И не раскрывается он потому, что в большинстве экономических теорий практически полностью игнорируется социальная природа денег, а в рамках социальных теорий недооценивается их кредитная сущность. Если отбросить предположение, что всех людей вдруг внезапно осенила божественная (или дьявольская) идея использовать какой-либо товар в качестве денег (а не как товар), то следует признать, что потребность в деньгах не могла появиться в условиях простого товарообмена. Функции денег не мог начать выполнять ни один товар, обладавший вполне конкретной потребительной ценностью (стоимостью) и пользовавшийся повышенным спросом.

¹⁹ Процесс превращения денег в анонимный инструмент реализации прав на получение товаров и услуг не мог не сопровождаться общественным признанием соответствующего вклада держателей денег в производство товаров и услуг. Такое общественное признание первоначально могло возникнуть и сформироваться только в случае, если имелась возможность получить под эти инструменты кредит у производителей, чьи товары пользовались повышенным спросом, то есть благодаря кредитной природе денег и появлению кредитных отношений. Формой фиксации этих кредитных отношений, скорее всего, первоначально выступали определенные материальные атрибуты (как правило, в виде украшений), которые использовались также в качестве сакральных символов власти, указывавших на особые социальные права вождей племен, старейшин и т.п. Вместе с тем, сам факт возникновения кредитных отношений (когда производители товаров повышенного спроса вместо непосредственного обмена их на другие товары стали предоставлять их в кредит) способствовал росту цепочки этих отношений, а вместе с ними – развитию процесса разделения труда в обществе, следовательно, расширению масштабов и структуры товарного производства. Ведь тот, кто получал в кредит нужный ему товар (а не вынужден был менять его на собственную продукцию), сам теперь оказывался в состоянии предоставить кредит потребителям своего товара. Это обеспечивало возможность и вызвало потребность в росте кредитных инструментов, превращая производство бывших «сакральных атрибутов» в самостоятельную сферу деятельности. Естественно, что в рамках этого процесса образ самих «сакральных атрибутов» как кредитных инструментов претерпевал изменения, несколько девальвировался. Наряду с украшениями (производство которых сохранилось для наиболее крупных кредиторов и представителей власти) в качестве формы фиксации кредитных отношений стали в основном использоваться материалы для их производства. Среди них особую роль приобрели драгоценные металлы, которые, обладая такими свойствами как однородность, делимость без потери качества, сохранность оказались наиболее пригодными для фиксации ставших количественно разнообразными прав различных кредиторов (в традиционной трактовке – для выполнения функции меры стоимости), а также для их обмена. Таким образом, сакральные атрибуты власти, первоначально отражавшие общественное признание естественного права конкретных кредиторов, окончательно обрели денежную форму после того, как масштабы кредитных отношений в обществе существенно увеличились. Произошедший в итоге рост производства и появление новых товаров способствовали ускоренной реализации прав кредиторов. Это и проявилось в расширенном использовании кредитных инструментов в качестве инструментов товарообмена. В результате появилась общественная потребность в массовом производстве бывших «сакральных атрибутов». Поскольку производители данных атрибутов (имевших маргинальную потребительную стоимость) нуждались практически во всех продуктах, обладающих конкретными потребительскими качествами, это способствовало росту общих объемов товарного производства, как и дальнейшему спросу на кредитные инструменты, все более активно применявшиеся в процессе обмена. Этим и объясняется теоретическое «выведение» денег из простого товарообмена.

²⁰ Именно поэтому одним из основных показателей степени развития гражданского общества является характер, объемы и формы использования денег, включая уровень доверия к ним и то, насколько эффективно они выполняют все свои функции. При соблюдении этих условий степень монетизации экономики можно рассматривать в качестве индикатора социальной интеграции общества. И наоборот, показатели неэффективного функционирования денег, включая инфляцию и появление множественности слабо связанных между собой денежных суррогатов (например, талоны и спецраспределители) свидетельствуют о подверженности общества высокому риску социального распада и социального регресса.

²¹ Заметим, что товарообмен не приводит к образованию у сторон прав или обязанностей. Обмен является лишь формой реализации уже имевшихся у них прав, в частности, на те или иные товары или услуги. Более того, сам по себе обмен не обеспечивает условия для человеческого развития, возникновения и расширения процесса разделения труда, а является лишь его результатом. Человеческое развитие началось и продолжается только благодаря тому, что между людьми естественным образом стали возникать различные формы кредитных отношений. Когда одни люди, реализуя имеющиеся у них способности, стали делиться результатами своей деятельности с другими, удовлетворяя их потребности, но не получая взамен ничего, кроме обязательств в виде признания ими прав своих кредиторов.

²² Смысл двухуровневой банковской системы заключается в том, что Центральный банк, выступая в роли банка банков, должен отвечать за общее состояние и стабильность банковской системы, надежность банковских расчетов и денежного обращения. А отношения с представителями реального сектора экономики закрепляются за коммерческими банками, количество которых должно быть достаточным для того, чтобы оценивать потребности рынка и возможности производства тех или иных товаров и услуг, обеспечивая их производителей необходимыми кредитными ресурсами и одновременно – адекватным расширением объемов денежной массы. Поясним, что расширение денежной массы может быть результатом кредитной активности коммерческих банков вследствие того, что, выдавая кредиты (предоставляя денежные средства заемщикам) за счет средств, полученных от своих клиентов (вкладчиков), банки одновременно остаются обязанными исполнять поручения данных клиентов по осуществлению расчетов и платежей. Однако важно учитывать, что на

практике это оказывается возможным только в том случае, если коммерческие банки сами получают кредитную поддержку со стороны Центрального банка. Естественно, объемы кредитно-денежной эмиссии, осуществляемой отдельными коммерческими банками, должны находиться в определенной пропорции к величине их собственных средств. От Центрального банка требуется, с одной стороны, обеспечивать контроль и надзор за кредитной политикой коммерческих банков, определяя показатели достаточности и соответствия собственных средств банка разрешенным объемам кредитно-денежной эмиссии. С другой стороны, на Центральном банке (и на банковской системе в целом) должна лежать ответственность за то, чтобы денежные обязательства коммерческих банков перед всеми клиентами (за минусом обязательств по выплате процентов) были исполнены в полном объеме независимо от банкротства и возможной ликвидации банка как юридического лица. Иными словами, деятельность Центрального банка должна служить гарантией кредиторам и вкладчикам всех коммерческих банков в том, что они всегда будут иметь возможность использовать средства, находящиеся на счетах в коммерческих банках (денежные обязательства коммерческих банков) в качестве денег. В свою очередь, обеспечением того, что Центральный банк сможет эффективно выполнять данные задачи, не допуская инфляции, потери доверия к банковской системе и деньгам, должны служить как его собственный капитал, так и страховой или резервный фонд банковской системы в целом. Кроме того, Центральный банк не должен иметь самостоятельных коммерческих интересов, а действовать в интересах не только всех банков, но и их кредиторов и вкладчиков. Следовательно, он должен пользоваться доверием гражданского общества, выполняя ряд функций, характерных для органа государственной власти, и одновременно быть независимым от политической власти, впрочем, как и банковская система в целом.

²³ Имеется в виду российская императрица Елизавета Петровна (1709–1761).

²⁴ *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. Глава XIV. Почему вексельный курс стеснителен для деспотических государств.